

ВОРОШИЛ ГУКАСЯН

УДИНСКИЕ СЛОВА В „ИСТОРИИ АЛБАН“*

„История Албан“ Моисея Утийского (Каланкайтуйского) является пока что единственным письменным источником по истории Кавказской Албании. Она дошла до нас на древнеармянском языке. Когда, кем и первоначально на каком языке была написана эта весьма ценная „История“ еще неизвестно. До сих пор она филологически не обработана и не проанализирована с точки зрения критики текста. Нет филологического удостоверения, какие ее части первичные, относимые к VII веку, и какие позднейшие—вклад X века.

„История Албан“ на армянском языке издана дважды (второе Тифлисское издание 1913 года является перепечаткой Московского издания 1860 г.), на русском языке лишь один раз—в 1861 г. в Санкт-Петербурге, в переводе известного армениста-источниковеда К. Патканяна, под заглавием „История Агван Моисея Каганкатваци, писателя X века“.

Во время перевода „Истории Албан“ К. Патканян столкнулся с очень большими трудностями, так как в отличие от всех армянских источников V—XVIII вв. в ней оказалось множество неизвестных, совершенно непонятных в армянском языке слов, фраз и предложений¹. Этот достаточно опытный источниковед-грабарист затруднялся перевести на русский язык даже всю 33-ю главу II книги, жалуясь на то, что не было „возможности перевести правильно всю эту главу... Кроме того неизвестные и непонятные слова, обильно расточаемые автором, делают то, что труд перевода не окупается интересом содержания“². Этих неизвестные и непонятные слова К. Патканян не нашел ни в одном словаре армянского языка.

В армянском издании М. Эмина³ на непонятные и неизвестные слова почти не обращается внимания, а в парижском издании К. Шахназаряна⁴ имеется ряд замечаний. В критическом издании Ч. Доусета

* Доложено на научной сессии памяти акад. И. А. Орбели в Ленинградском Отделении Института народов Азии АН СССР 12. IV 1966 г.

¹ См. Моисей Каганкатваци. История Агван. СПб., 1861, стр. 14—15, 18, 46, 54, 59, 126, 132, 139, 143, 160, 170, 172—174, 180, 206, 223, 228, 232 и т. д.

² Там же, стр. 174.

³ См. Моисей Каганкатваци. История Агван (на армян. языке). Москва, 1860.

⁴ См. Моисей Каганкатваци. История Агван (на армян. языке). Париж, 1860.

некоторые из этих слов объяснены [напр.: ценцерк*, шаранац, таксат и т. д.]. Но многие из них и Ч. Доусету остались непонятными. Отметим, что даже такие крупные специалисты древнеармянского языка и истории Армении, как Р. А. Ачарян, Я. А. Манандян, М. А. Абегиан, С. С. Малхасян и многие другие не могли найти этих слов в лексике армянского языка. Они и не подозревали, что все эти слова могли быть иноязычными и что они могут быть объяснены на материале языков Кавказской Албании.

ЕНИБА. Говоря о коварном убийстве албанского князя Дживаншира Утийский⁵ писал: „Между тем злобный эниба изменник Вараза, взяв царский плащ, булатный меч и золотом обитый щит, коварно пошел вперед, представляя из себя оруженосца“⁶ (...ареал чларабарой энибай давчаногъин Варазайи звагъин аркунаклан зсусерн погъоватикл ев зВаһанн осклехндзор, давов йарачапһаһ линэр у платчарс ев ыстl оринакли зинакlрутеан)⁷. Чуть выше автор пишет, что „блаженный муж... всегда был в ожесточенной борьбе с энибай врагом“⁸.

Как видно из приведенных цитат, в обоих случаях *ениба* является определением к слову „врага“. Грабаристам это слово не было известно. Поэтому К. Паткаян отметил, что *ениба* слово неизвестное и означает, вероятно — „дьявол“. В издании Эмица — хабебай — „обманщик“. Однако замечание Паткаяна не совсем точно. М. Эмиц сперва действительно это слово передал как хабебай (см. стр. 170—171), принимая за армянское слово в значении „обманщик“, но чуть ниже оставил исконную форму (см... ареал чларабарой энибай давчаногъин стр. 177.).

Ч. Доусет тоже передает *ениба* в значении „дьявол“, отмечая, что оно иногда ошибочно принимается за имя. В предложении „блаженный муж... всегда был против энибай врага“, по Доусету *энибай* употребляется как „имя для эпитета дьявола“⁹. Но он не отрицает, что „его происхождение еще не объяснено“¹⁰.

Как указал Доусет, из многочисленных словарей армянского языка слово *ениба* представлено только в „Словаре армянских имен“ акад. Р. А. Ачаряна в значении имени человека. Доусет совершенно верно замечает, что *ениба* Р. А. Ачаряном ошибочно принимается за имя.

Эниба принадлежит албанским языкам. В нижних подговорах удинского языка и ныне оно употребляется в значении „коварный“, „корыстный“, „гнусный“. Это слово является качественным прилагательным, но на современном этапе развития удинского языка оно субстантивировано, т. е. символично подразумевает „коварный“, „гнус-“

* По техническим соображениям армянские слова и предложения даются в русской транскрипции.

⁵ Авторство „Истории Албан“ приписывается обычно двум Моисеям — Каланкайтуйскому и Дасхуранскому. Однако до сих пор вопрос об авторстве „Истории“ остается без ответа. Оба Моисея и переписчик Адриан считают себя уроженцами области Ути. Поэтому мы присоединяемся к мнению акад. Я. А. Манандяна (см. его: Beiträge zur albanischen Geschichte, Leipzig, 1897, стр. 22.), называя автора „Истории“ Моисеем Утийским.

⁶ См. История Агван, СПб., 1861, стр. 180.

⁷ См. История Агван (на армян. языке), Москва, 1860, стр. 177.

⁸ См. История Агван, СПб., 1861, стр. 173.

⁹ См. The History of the Caucasian Albanians by Movses Dasxuranc'i translated by C. J. F. Dowsett. Лондон, 1961, стр. 138—139, 142—143. „P₅, VM, „E Enibay; P₄, Q Enibay; P₁, S Enebay. Ačařean, Hayoc anjanunneri bařaran... II (Ереван, 1944), P. 120, is wrong in assuming this to be the name (*Enib) of the prince's murderer, who is actually named Varazoy. The word occurs also at II, 33, P. 138, n. 1, in the phrase anddēm Enibay tšnamwoyn „against the enemy Enibay“, or „against the enibay enemy“ where it is apparantly a name for an epithet of the devil; its provenance is yet unexplained.

¹⁰ Там же. стр. 143.

ный“, „корыстный“ человек. Поэтому Утийский вместо „коварный враг, изменник Вараза“, написал „злбный ениба“, подразумевая именно коварного, гнусного человека. Это безусловно затрудняло перевод, так как неспециалисту удинского языка трудно передать (вернее понять) его прямое и переносное значение.

Ениба образовано с помощью словообразовательного аффикса — **ба**. Это весьма продуктивный словообразовательный аффикс в дагестанских языках¹¹. Примеры из удинского языка: „... екъунчери шотла тлоъгъоъл лал джинбату“ („привели к нему человека немного бесноватого“)¹², „иъшлакъунбаки шлетла тлоъгъоъл... кагъзабаор ва гъампиух“ („пошли к нему... книжники и старшины“)¹³. **Тлу** из „джинбатлу“ является указательным местоимением, а **-ор** из „кагъзабаор“ — суффиксом множественного числа (джинба-тлу, кагъзаба-ор).

В армянском языке нет аффикса-**ба**. Вместо него есть суффиксы: для образования имен существительных: **-акл**, **-анк**, **-ик**, **-ичл**, **-уни**, **-ом**, **-аран** и т. д.; для образования имен прилагательных: **-аклан**, **-айин**, **-е** или **-йа**, **-клотл**, **-авор**. Сравните, например, удинск. **ени-ба** „коварный“, „гнусный“ с армянским **ненз** „коварный“, **джндакл** „гнусный“, или удинск. **муш-ба** „ревматик“ с армянским **хованавор** „ревматик“ и т. д.

Подводя итог сказанному, мы можем перевести предложения из 33-й и 34-й главы II книги „Истории Албан“ в следующем виде: „Блаженный муж... всегда был в ожесточенной борьбе с коварным врагом“; „между тем злбный и гнусный враг, изменник Вараза...“.

АШНУТІ. В XI главу I книги „История Албан“ Моисея Утийского включены два письма армянского католикоса Гюта I (461—471 гг.) к албанскому царю Ваче II. В первом письме Гют сравнивая албанского царя с солнцем, писал: „оно блуждает, ходит криво, сторонно, дает тень, живет на юге, измученное зимою, изнывает летом, весной **тавнуті** и осенью **ашнуті**, поглощаемое ночью, рождаемое утром, (... товнуті гарнани ев ашнуті ашнани, гишераклул, аравотлацин...).

К. Паткян писал, что слов *ашнуті* и *тавнуті* нет в большом армянском лексиконе Мхитаристов.¹⁴ М. Эмин ничего не говорит о них. В „Этимологическом корневом словаре армянского языка“ Р. А. Ачаряна мы не находим этих слов; в „Толковом словаре армянского языка“ С. С. Малхасяна на это имеется не совсем ясное указание: *ашнуті. ац. ашнанайин*¹⁵, что в переводе значит: „*ашнуті*“ прилагательное „осенний“. Однако в английском переводе „Истории Албан“ это слово имеет другое значение, а именно „иссушалось“ („He... roasts in summer, is showered upon in spring, is parched in autumn...“ оно... изнывало летом, появилось весной, иссушалось осенью... — стр. 14).

¹¹ См.: А. А. Schiefner. Versuch über die Sprache der Uden. „Mémoires de... l'Académie imperiale des Sciences de St.-Petersbourg, VII Série, Tomé VI, № 8“ СПб. 1863, стр. 15; А. М. Дирр. Грамматика удинского языка. Тифлис, 1903, стр. 12; В. Н. Панчвидзе. Грамматический анализ удинского языка. Автореф докт. дисс. Изд-во Тбилисск. Госуниверситета, 1949, стр. 11—12; В. Л. Гукасян. Фонетические и морфологические особенности ниджского диалекта удинского языка. Автореф. канд. дисс. Изд-во АН Азерб. ССР, Баку, 1965, стр. 18; Р. И. Гайдаров. Ахтынский диалект-лезгинского языка. Махачкала, 1961, стр. 65—66; А. А. Магомедов. Табасаранский язык. Изд-во „Мецниереба“, Тбилиси, 1965, стр. 142; Е. Ф. Джейранишвили. Основные вопросы фонетики и морфологии цахского и мухадского (рутульского) языков. Автореф. докт. дисс. Изд-во ТГУ, Тбилиси, 1966 и т. д.

¹² См.: Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на русском и удинском языках. (СМОМПК, вып. 30, Тифлис, 1902). От Матфея, стр. 39.

¹³ Там же, стр. 64.

¹⁴ См. Новый словарь армянского языка (на армян. языке), Венеция, т. I, 1836. т. II, 1837.

¹⁵ См. Толковый словарь армянского языка (на армян. языке). Ереван, 1944, стр. 198.

Но Ч. Доусет сомневался в своей правоте и в сноске после этого слова поставил вопросительный знак (ВМ егаштут; Р₅, Д₁, S. Е ашнут „?“)

Вышеуказанные слова (*ашнутл* и *тавнутл*) в удинском языке и ныне широко употребляются. *Ашнутл* имеет следующие значения: 1) „бездельно“, „без работы“, „бездельный“; 2) „завершивший свою работу“, „свободный“ (после работы)... Оно состоит из имени существительного *аш//аьш* (дело, работа) и частицей *нутл* (не, без)¹⁶.

Частица *нутл* в удинском языке употребляется с именами или отглагольными именами (масдаром, причастием), причем, во всех позициях слова: *нутлбал* „неделающий, *ашнутл* „без работы“ („безработный“), *хенутл* „безводный“ („без воды“), *кюджнутл* „бездомный“.

Например: Сапуннутл члемнух ципсун кюджне (вымыть грязь без мыла трудно)¹⁷; ун нутлчегьаллу телан (ты не выйдешь оттуда)¹⁸.

В армянском языке не встречается частица *нутл*. В нем имеются суффиксы: —ан, —зуркл, а также: —дж, —апл, —тл, —чл (см. ангорц или горцазуркл „бездельный“, „безработный“, анджур „безводный“...)

По содержанию указанной выдержки из „Истории Албан“ видно, что в ней *ашнутл* не употребляется в значении „осенний“ или „иссушалось“. Если сказать, что „солнце осенью бывает осенним“ или „осенью солнце иссушалось“ получится бессмыслица, т. е. глубоко содержательной афоризм Утийского потеряет смысл. Автор указывает, что осенью солнце завершает свою работу (уже поспевают фрукты, собирают урожай) и фактически оно остается без дела, без заботы — а именно *ашнутл*.

ТАВНУТИ. Как и *ашнутл* слово *тавнутл* не употреблено ни одним армянским писателем V—XVIII вв., поскольку оно не входило в лексический состав армянского языка.

Моисей Утийский указывает, что солнце весной бывает *тавнутл*. Это слово в значении „бессильный“, „бесплодный“, „безурожайный“ употребляется в ряде подговоров ниджского диалекта. Например: *шоно тавнутл амдаре* „тот бесплодный (бессильный) человек“; *епсен ме ход тавнутле* „в этом году это дерево безурожайное“ и т. д.

Частица *нутл* та же, что имеем в составе *ашнутл*. Первый компонент данного слова заимствован из древнеиранских языков¹⁹. *Тав* (توت) в значении „сила“, „мощь“ употребляется во всех иранских языках и давно заимствован удинским и другими дагестанскими и тюркскими языками. Присоединением отрицательной частицы *нутл* мы получаем „бессильный“, „немошный“, „бесплодный“. Поэтому, нам кажется, что перевод Д. Ч. Доусета *тавнутл* в значении „появилось весной“ в армянском языке означало бы „йеревец (или хайтинвец) гарнани“. По всей вероятности, поэтому это слово не включено в толковые и этимологические словари армянского языка²⁰.

¹⁶ Об этой частице см.: А. А. Шифнер. Ук. соч., стр. 29, А. М. Дирр. Ук. соч., стр. 12, 75—76, В. Н. Панчвидзе. Ук. соч., и т. д.

¹⁷ См.: Гејгані Төдөг. Самці дас. Абхазгиз, Сухуми, 1934, стр. 67.

¹⁸ См. Святое Евангелие... от Матфея, стр. 16.

¹⁹ В удинском языке имеются заимствованные слова из древне- и среднеперсидских языков. Об этом см. нашу статью: Термины родства в удинском языке (резюме на русск. языке). Известия АН Азерб. ССР, серия обществ. наук, Баку, 1961, № 9, стр. 49—58.

²⁰ В ряде армянских словарей имеется слова *тав*, но в совершенно других значениях. Например, в толковом словаре С. С. Малхасяна это слово толкуется так: *тав* ац. 1. хитл ар хитл бусац, тандзр хоц; *Тав* (иун. т'ай). q. йебрайаклан айбубенни верчин тлари ануны: *Тав* (плар скл. тав), q. Бун йармар жаманаклы ми бан анелу (т. II, 1944, стр. 88). В армянско-русском словаре Худобашева, изданном в Москве (т. I, стр. 429), *тав* толкуется как прилагательное „толстый“, „густой“, „пушистый“. Но ни в одном словаре нет слова *тавнутл*.

Таким образом, мы можем перевести выдержку из XI главы I книги „Истории Албан“ в следующем виде: „Оно (т. е. Солнце) двигалось наклонно и сторбленно, ходило боком, бросало тень, жило на юге, измучилось зимой, весной было слабое, осенью бездельным (т. е. свободным)...“

ЧЛАХ (← члалаг). Моисей Утийский в I и II книге своей „Истории“ упоминает лес называемый *чхлах*-ом на терриотрии Мец-Арана, на берегу реки Трту (← тертер), не далеко от области Ути. Автор в обоих случаях (см. кн. I, гл. XXVIII, стр. 73, кн. II, гл. XXX, стр. 169), говоря об этом лесе, употребляет такую фразу: „...в опушке леса, называемого Члах...“ (...бнаклэр Чгъах ануанелой...)

Издатели „Истории“ ничего не говорят об этом слове. В армянских текстах оно дается в виде *Члгъах* (Чгъах), а в русском издании *Члах*. Не имеется замечания по поводу *чхлаха* и у Ч. Доусета. Он тоже передает ее как *Çлах* (...in a wooded valley in the forest called Çлах...—стр. 55).

Как географическое название *Чхлах* во всех изданиях написана с заглавной буквы. Однако никто из издателей не интересовался значением этого слова.

В удинском и цахурском языках и ныне лес называется *члалаг*-ом (например, ...Եւ ֆուլան շլալաղե ինք ձօննե քարհսա²¹ „в таком-то лесу живут три дива“; Баба, յախալ տաժա շլալաղե²² „отец, поведи нас тоже в лес“ или в цахурском: Эмий члалагахъа аркын „дядя пошел в лес“)²³.

Небезынтересно отметить что, *чалаг* заимствован в казахском диалекте азербайджанского языка. В нем *чала(г)* значит „маленький лес“²⁴.

В словарях армянского языка нет слова *чхлах*. Его иноструктурность и иноязычность для армянского языка доказывается еще тем, что в армянских текстах „Истории“ оно передается через *гъ* (γ) вместо *л* (l). Общеизвестно, что в заимствованных именах в армянском языке „l“ заменяется „γ“.

ХНЧИКИ (← хунички). В XXIII главе I книги „Истории Албан“ Моисей Утийский сообщает, что у албанского царя Вачагана III „была дочь Хнчик, в отроческих годах, сильно им любимая...“ (...եւ ծուժի մի քնչիկի անոն տիգայ հասակաւ յոյժ սրելի արկայի...).

Хнчикі как собственное имя не встречается ни в одном армянском источнике; не представлено оно и в монументальном „Словаре армянских имен“ Р. А. Ачаряна. Об этом ничего не пишет и Ч. Доусет

(см. The King had a daughter called Хнсік...—стр. 48).

Утийский указывает, что Вачаган III очень сильно любил свою единственную дочку и даже „во имя ее царь построил одно поместье“. Возможно, что он свою любимую дочку ласкательно назвал сестричка, т. е. *Хнчикі*. В удинском языке *хун(и)чи* значит „сестра“. Это сложное слово, первый компонент ее *хуни* означает самка, второй компонент *-чи* в горских кавказских языках участвует в составе таких терминов родства, как брат, сестра, мальчик, девочка (см. удинск. *ви-чи* „брат“, *хуни -чи* „сестра“, цахурск. *и-чи*, агульск. *чи*, хиналугск. *ри-*

²¹ См. СМОМПК, вып. VI, Тифлис, 1888. Приложения (удинская сказка „Рустам“), стр. 7.

²² См. СМОМПК, вып. XXXIII, отдел IV, стр. 88 (удинская сказка, приложенная к „Грамматике удинского языка“ А. М. Дирра). Тифлис, 1903.

²³ Пример подсказан нам кандидатом филологических наук, цахуроведом А. М. Аслановым, за что выражаем свою искреннюю признательность.

²⁴ См. Диалектологический словарь азербайджанского языка (на азерб. языке). Баку, Изд-во АН Азерб. ССР, 1964, стр. 453.

ши. крызск. *ши-д* и т. д.)²⁵, -кI из *хнчикI//хунчикI* является уменьшительно-ласкательным аффиксом.

В Сабунчинском, Агдамкалаляском, Башкалаляском и Гелмецком говорах цахурского языка *хыны* означает двоюродную сестру²⁶ (см. в грамматике цахурского языка А. М. Дирра: Кызда Зогьра хыни сипиркыр акар „моя двоюродная сестра Зохра похожа на вдову“).

По всей вероятности *хунчи//хунчикI* как иноязычное слово переписчикам „Истории Албан“ не было понятно, и они вместо *хунчикI* писали *хнчикI*, — т. е. выпадал гласный у. Это весьма возможное явление. Как мы видели выше, *члалаг* тоже передан в виде *члах*, т. е. пропущен первый а, а вместо звонкого спиранта г дан его глухой компонент х.

РУЗ//РУЗИКИ. Моисей Утийский в XXI главе III книги сообщает о первом приходе русских в Азербайджан еще в X веке (в 944 году). Но в отличие от всех других армянских историков, автор вместо „рус“ писал *руз//рузикI* („руз//рузикI“). Эту форму мы не встречаем ни в одном словаре армянского языка; нет ее и в его диалектах.

Утийский пишет, что „...с севера грянул народ дикий и чуждый рузики... женщины города (Барды.—В. Г.), прибегнув к коварству, стали отравлять рузов...“ Как видно, *рузов*, а также *рузики* передается во множественном числе (также передается и в английском переводе Ч. Доусета: *Ruzik, Ruzk'*—стр. 224). Следовательно, основой является *руз*, форма, которая и ныне употребляется в **варташенском диалекте** удинского языка. Нам кажется, что форма *руз//рузикI* принадлежала местным языкам, т. е. это албанское произношение слова *рус*.

КАЛАНКАЙТУК. Название села Каланкайтук в „Истории Албан“ появляется десять раз в издании К. Шахназаряна, в форме **клагъанклайтлуаци**, столько же с сохранением полугласного „й“ в основе находим и в русском переводе К. Патканяна (Каганкайтук), тогда как в московском издании М. Эмина дано без этого звука „й“ (Клагъанклатлуаци). В английском переводе в некоторых случаях „й“ сохраняется, а в ряде случаев нет (*Kalankatuk', Kalankaytuk'*).

О том, что имеется такое селение в области Ути, мы узнаем из сообщения самого же Моисея Утийского, который пишет, что „сведая о происшедшем, неприятели преследовали бегущих, и догнали часть их у подошвы горы, напротив большого селения Каланкайтук, что в той же области Ути, откуда и я“ (... гегъчин меци клагъанклайтлуац, ор у нмин йУти гавари йормэ йес...). Отсюда пошло прозвище автора—Моисей Каланкайтуйский (Каганкатваци).

Я. А. Манадян, называя автора „Моисеем из Ути“, считает, что прозвище Каганкатваци представляет собой выдумку позднейших писателей, введенных в заблуждение неправильным толкованием текста „Истории“²⁷. Однако он не этимологизировал название Каланкайтук.

В статье „По поводу русского слова „сало“ Н. Я. Марр попутно (в сноске) этимологизирует „Каланкайтук“. Он пишет: „Остающаяся часть—*калакан* полнее—*калаукан*—напрашивается на толкование с помощью языковых материалов бацбийцев и тушин... на бацбийском языке имели название города (г. *qalag-i*, армян. *qalag//qagag*) в разности (*qalauqau*) при вян.—*qalig*, исход.—*qalagire* и т. п.; мн. число ныне от него у бацбийцев—*γυλ̄αῡαυ-ш*, но при существующем

²⁵ См.: Нашу статью: Термины родства в удинском языке... стр. 52—53; Г. Климов, Б. Талибов. К вопросу о сравнительно-историческом изучении лезгинских языков. Уч. зап. Ин-та истории, языка и литературы им. Г. Цадаса ДагФАН СССР (серия филологическая), т. XIII, Махачкала, 1964, стр. 34.

²⁶ Устное сообщение А. М. Асланова.

²⁷ См. H M a n a d e a n. Beiträge zur albanischen Geschichte. Leipzig, 1897, стр. 22.

у них же названия *qalàqan-tu*, *resp. kalaykan-tu* с обычным сугубым окончанием мн. числа в новой среде означало бы — „городки“. Наоборот, *kalkantuni*... вскрывает существование название города *kalkantu*, производного от основы *kalik*, *resp.* бацб, *qalip*. Надо однако считаться и с возможностью наличия в конечной части *kaytu* целого слова „дом“, „селение“²⁸.

Этимология Н. Я. Марра „Каланкайтук“ требует дополнительного уточнения. С первой частью его мнения трудно согласиться, так как в грузинском, армянском и бацбийском языках „город“ пишется через глухой придыхательный *к* (см. грузин. *калаки*, армян. *кагъак*, бацбийск. *калак*). Но „Каланкайтук“ во всех армянских текстах „Истории Албан“ написан через глухой *к*1 подобно согласному *к* в русском языке. Однако предположение Н. Я. Марра о том, что в конечной части-кайтук надо видеть целое слово „дом“, „селение“ подтверждается материалами горских кавказских языков.

Оканчание *-к* из „Каланкайтук“, по всей вероятности, принадлежит армянскому языку (см. также: Агъуанк, Каплагъак, Чигъбк, Мецкунэнк...) Остальная часть — сложное слово в виде **Калакайтук**, в первом компоненте которого мы имеем качественное прилагательное „кала“ в значении „большой“, „старший“, „великий“ в удинском языке (см. напр.: *кала баба* „старший отец“ „дед“, *кала бурух* „большая гора“, *кала ход* „большое дерево“ и т. д. *Тавкаб чурал ларине, амл какала муькъабохтлубу* „тур похож на корову, но имеет большие рога“²⁹; *кала о'чала намнеби* „намочил большое поле“³⁰; *таци батлунса са кала члалага* „идут и заходят в один большой лес“³¹; *кала виченкъа бивъиън вичен боъгъаъкъунбеса ичугъо бахтлин йолдашмух* „старший и средний братья находят себе друзей“) ³².

Вторая часть *кайтук* // *кой* // *кал* // *хал* // *хав* // *хъул* // *гъул* // *хор* // *хлур* // *хуьр*... в горских кавказских языках (особенно в лезгинской группе) означает „село“, „дом“, „двор“³³. Данный элемент всегда может стать вторым компонентом топонимических названий. Например: Шам-хор, Зей-хуьр. Калун-хуьр и т. д. Во всех случаях этот элемент обозначает „село“, „населенный пункт“, как, например: *Начы-кэнд* „село Гаджы“, *Гасым-кэнд* „село Касыма“, *Агъдаш* село, Белый камень“ в азербайджанском языке; *Аршака-шен* село „Аршака“, *Варда-шен* „село роз“ в армянском языке; Царское село в русском языке и т. д. Например, в удинском языке; *клойа-зу тайса* „иду домой, клодж-зу бикъа“ „строю дом“; в цахурском языке: *йишин хав хавдаьн вод* „наш дом большой есть“; в крызском языке: *зын хъул клыныни* „я строю дом“; в лезгинском языке: *хуьр* // *квал* *щекъзава* „я строю дом“...

Что касается фонетических соответствий и чередования звуков (*а* → *о* → *уь*; *дж* → *ж* → *й*; *р* → *л* → *й*) в данном элементе, то такой фонетический процесс присущ дагестанским языкам.³⁴ Третья часть слова является аффиксом (*resp.* суффикс местного исходного падежа) *-ту* // *тлу*, указывающим на принадлежность и местность в большинстве горских

²⁸ См. Н. Я. Марр. Избранные работы, т. V, М.—Л., 1935, стр. 81.

²⁹ См. Gejrali Tödör. Samci dəs. стр. 58.

³⁰ Там же, стр. 75.

³¹ См.: А. М. Дирр. Грамматика удинского языка. Приложения, стр. 88.

³² См. ж. „Caucasica“, № 5, Лейпциг, 1928; А. М. Дирр Udische Texte, стр. 60.

³³ См. Р. И. Гайдаров. О названиях лезгинских аулов. Уч. зап. Дагестанского госуниверситета, т. XIII. Махачкала, 1963, стр. 111—125; Г. Климов, Б. Талибов. Ук. статья, стр. 33; А. А. Магомедов. Табасаранский язык. Изд-во „Мецниереба“, Тбилиси, 1965 и т. д.

³⁴ См. Е. А. Бокарев. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Дагучпедгиз, Махачкала, 1961, стр. 33—97.

Кавказских языков (см. напр.: арчинск. арчиба-ту „арчинец“³⁵ или лакск. Бакуя-ту „из Баку“, Гзумуча-ту „из Кумуха“).

Таким образом, в основе „каланкайтук“ мы имеем сложное слово **калакай** в значении „большое селение“ (**кала** в удинском языке „большой“, **кай//кой** „дом“, „населенный пункт“). Применительно к прозвищу автора „Истории“ к слову *калакай* прибавили аффикс принадлежности в функции указателя местности **-ту**. Чувствуя неполное, и „неточное“ произношение в армянском языке, переписчики прибавили к нему **-к**, в результате чего образовалась форма „каланкайтук“. Это слово на местных языках звучало как „большое селение“ — **Калакай**; а для указания местности оно произносилось как „калакайту“, т. е. Моисей из большого селения, или Моисей уроженец большого селения. Надо отметить, что автор тоже называет его большим селением (... гегъчин меци Клагъанкайтлуац...). Возможно, это название принадлежало именно удинскому языку, так как с. *Калакайту* находился в области Ути, где в то время жили **утии/удины**.

По всей вероятности, в Карабахе были такие же географические названия как „Калакайту“. Смотрите, например: *Мецклогъманк* „большая сторона“ *Мецерак* „Большой Аран“, *Мецкуненк* „большой куненк“ а также — *Покра-гойгъ Кларузц* „малое селение Карузч“, которые упоминаются в „Истории Албан“ Утийского.

Как показывают приведенные факты, *Каланкайтук* албанское (геср. удинского) слово, в значение „большое селение“. В удинском языке и ныне бытует топонимия с компонентом „кала“ (большой). Например: *Калапуьруьз* (в с. Нидж), *Калабурух* (в с. Нидж), *Калац/мери* (в с. Варташен) и т. д.

Отметим, что кроме „Истории Албан“ Моисея Утийского, ни в одном другом армянском или армяноязычном источнике не наблюдаются удинские (геср. албанско-лезгинские) слова и грамматические формы. В них нет и стольких непонятных и неизвестных слов и фраз для грабаристов-источниковедов.

Наличие слов и грамматических форм удинского языка в „Истории Албан“ (и ряда других историко-филологических фактов)³⁶ приводит нас к заключению, что I—II книги ее по всей вероятности были написаны на одном из албанских языков (может быть на удинском языке?!). Все приведенные слова и грамматические формы наличествуют именно в этих книгах. В III книге их почти не замечаем (исключение составляет **руз//рузик**). Возможно, „История Албан“ была переведена на древнеармянский язык человеком, плохо владеющим грабаром или местным албанским языком, в результате чего в I—II книгах сохранились слова, фразы и вместе с ними грамматические формы местного языка.

Ворошил Гукасјан

„Албан тарихи“ эсэриндэ удин сөзлэри

ХУЛАСӘ

Мовсес Утидинин (Каланкайтуклунун) „Албан тарихи“ эсэри орта эср тарихимизи ишыгландыран јеканэ јерли абидэдир. Лакин бу гиј-мәтли „тарих“ бизэ гәдим ермәни дилиндэ чатмышдыр. Онун нә заман,

³⁵ См. Микаилов К. Ш. Арчинский язык. Махачкала. 1967.

³⁶ Об этом подробно говорится в других наших статьях, подготовленных к печати, — а именно: „Авторы, датировка и первоисточники „Истории Албан“, „Причина анахронизмов „Истории Албан“, „Сведения об албанской письменности в „Истории Албан“.

ким тэрэфиндэн вэ һансы дилдэ јазылдығы һэләлик мә'лум дејилдир. Әсәр филологлар тэрэфиндэн индијэдәк лазымынча тәдгиг едилмәмиш, онун һансы һиссэләринин VII әсрдә јазылдығы, һансыларын исә X әсрдә әлавә олундуғу ајдынлашдырылмамышдыр.

„Албан тарихи“ әсәрини 1861-чи илдә рус дилинә тәрчүмә етмиш К. Патканјан орада анлашылмајан, ермәни дилиндә ишләнмәјән чохлу сөзә, ифадәјә вэ чүмләләрә раст кәлмишдир. Ермәни дилинин бу тәрчүбәли мүтәхәссиси, һәтта II китабын бүтөв бир фәслини (33-чү фәслини) тәрчүмә етмәкдә чәтинлик чәкмишдир. Әсәри инкилис дилинә тәрчүмә етмиш акад. Ч. Доусет анлашылмајан сөзләрин бә'зиләрини охумушса да бөјүк бир гисми онун үчүн дә ајдын олмамышдыр. Бунлар: *ениба*, *ашнутl*, *тавнутl*, *чlлаx*, *хнчикl*, *руз*, *каланкајтук*-дур.

Һәммин сөзләр гәдим албан дилләринә мәхсус олдуғундан, онлар һеч заман ермәни дилиндә ишләнмәмишдир. Буна көрә дә ермәни дилинин көркәмли мүтәхәссисләринин (Р. Ачарјанын, Һ. Манандјанын, М. Абеғјанын, С. Малхасјанын вэ башгаларынын) онлары ермәни дилиндә ахтарыб тапмаг чәһди нәтичә вермәмишдир.

Мәгаләдә көстәрилән сөзләрин гәдим албан дилләриндән удин, сахур вэ саириндә инди дә әввәлки мә'наларында ишләндијиндән бәһс едилмишдир. Белә ки, көстәрилән сөзләрлә бәрабәр, ишләнән *-нутl* инкарлыг шәкилчиси (мәс.: *ашнутl*), *-ба* сифәтдүзәлдән шәкилчиси (мәс.: *ениба*) вэ с. грамматик формалар мәһз Гафгаз дилләринә мәхсусдур. Ермәни дилиндә онларын тамамилә башга мүгабилләри вардыр. Садаланан фактлар бизи бу гәнаәтә кәтирир ки, Утилинин әсәри албан дилләриндән бириндә (бәлкә дә удин дилиндә) јазылмыш, чох сонра исә гәдим ермәни дилинә тәрчүмә едилмишдир. Бунун нәтичәсиндә дә әсәрдә јерли дилә мәхсус сөзләр вэ грамматик формалар галмышдыр.